

Этос высшей школы как диагноз. // Этика профессора: «вне-алиби-бытие». Ведомости. Вып.39 /Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИПЭ, 2011, с.89-98. (0,5 а.л.)

Этос высшей школы как диагноз

Позволю себе не согласиться с некоторыми исходными посылками авторов этого важного и интересного проекта.

Прежде всего, относительно «двойной морали» и преодоления этой бинарности. Двойная мораль есть в любой субкультуре, в т.ч. и в научной, и в образовательной. Например, полагается, что ученый бескорыстно служит истине, открыт для критики... Но это – для внешнего позиционирования. «Ученый в имидже». А внутри... Бескорыстны могут и должны быть другие, а наша задача надобать финансирования, пробить грант... Открытость для критики – требование к другим, к конкурентам. А наша задача – верность школе и учителям. А кто отступил – тот изменщик. Культуральные механизмы едины. И «дух» *профессии* всяко выражает «двойное назначение профессиональной этики: представлять коренные интересы профессии, защищать свободы и достоинство профессионалов и – через эффективное осуществление профессией своей миссии». Поэтому я бы отошел от обсуждения проблемы в этой плоскости.

Отошел бы я и от проблемы приемлемости-неприемлемости платности образования. Бесплатного в этом мире ничего нет. Поэтому вопрос не в платности-«бесплатности», а в том – *кто* оплачивает образование. А вот это уже серьезный разговор об особенностях российской ситуации. И он переводит дискуссию в плоскость проблемы престижа и социальной значимости образования и науки, не нужных современному российскому правящему классу. К этому и перехожу...

Полностью солидарен с авторами проекта по части «тоски, уныния и даже отчаяния относительно остроты отечественных проявлений универсальных для глобального университета тенденций». А вот относительно видения корней этого негатива в «массовизации, коммерциализации и бюрократизации» - никак нет. Дело в том, что массовое информационное (а то уже и постинформационное) общество является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «все во имя человека, все на благо человека», «человек есть мера всех вещей». И мы знаем этого человека – это каждый из нас. Современным обществом массового потребления реализован и «основной закон социализма», которым открывались все «исторические решения» очередных съездов КПСС: «все возрастающее удовлетворение все возрастающих потребностей». Беда в другом. В том, что ценности, которые в традиционном обществе выстраиваются иерархически, в информационном обществе массового потребления приводятся к общему знаменателю маркетизации (не путать с коммерциализацией!) - рыночного спроса. Ценностная вертикаль съедается и ценности превращаются в рубрикаторы сегментов рынка массового потребления. И это ни плохо, и ни хорошо – это особенность нынешней цивилизации, обеспечивающей реализацию практически любых потребностей. Но совершенно очевидны и негативные последствия подобной ситуации - «игра на понижение», приводящая к полной ценностной релятивизации. Борьба с цивилизационным трендом бессмысленно, а вот противостоять негативным последствиям можно и необходимо. И можно обозначить действенные механизмы такого противостояния. Это гражданское общество, полноценная элита и внятная государственная социальная политика, дающие человеку вешки для ориентации в «плоском» ценностном мире.

Тогда становится понятной «тоскливая» российская специфика. В нашей стране отсутствуют все три отмеченных механизма. Почему – это тема отдельного серьезного разговора. Но специфичность нравственного позиционирования «профессорско-преподавательского состава» – ппс, как его называют на отечественном канцелярите – обусловлена, как мне кажется, двумя обстоятельствами. Во-первых, собственно, социальной ролью высшего образования – главного средства подготовки, а отчасти и формирования элиты. Под последней я понимаю не столько политический класс или истеблишмент, и тем более – не тех, кто «круто попал на ТВ», а людей «длинных мыслей», тех, кто открывает новые горизонты и пути их достижения, кто способен консолидировать общество в движении к этим горизонтам. Тогда, во-вторых, становится ясной

и особая роль профессора – не только «знатока» (преподавателя, консультанта и эксперта), но и нравственного авторитета.

В этой связи становятся ясными и «отечественные обстоятельства», в том числе «боле-вые точки» ситуации в нашей профессии, о которых говорят авторы проекта. В современной России мы имеем дело с полной дискредитацией науки и образования. Как на уровне государственной политики, так и на уровне обыденного сознания. Почему?

С некоторой степенью условности, скорее – ради некоей систематизации, можно выделить две группы обстоятельств, разрушительных для российского общества: «объективные», характеризующие состояние общества, и «субъективные», характеризующие институты, призванные регулировать, организовывать и направлять жизнь общества. О «субъективных» чуть позже, а «объективные» обстоятельства достаточно очевидны и неоднократно обсуждались. Это *депопуляция* российского общества, попавшего в глубокую демографическую яму, что вынуждает привлекать дополнительные человеческие ресурсы. Это происходит на фоне *деиндустриализации* (не только пропущены два цикла обновления основных фондов, но и разрушен имевшийся потенциал). Ярким примером этого является проблема моногородов, перерастающая в серьезную социальную проблему. Ситуация усугубляется сохраняющимся *рентным характером экономики*. Причем – с кончающейся природной рентой, исчерпанной рентой человеческой, и растроченной рентой имевшихся основных фондов. Но на фоне рентной экономики сложилась и продолжает разъедать все ткани общества *коррупция*, чуть ли не официально признаваемая как неизбежность и особенность государственности. В результате, Россия оказывается мало *привлекательна для инвесторов*, деньги, даже отечественного бизнеса, утекают за рубеж, а деньги, которые привлекаются, связаны, в основном, с краткосрочными кредитами, т.е. спекуляциями. Более того, несмотря на все призывы, российская экономика оказывается органически не способна к инновациям. По одной простой причине: в стране *отсутствует реальный спрос на инновации*. Рентно ориентированный бизнес не заинтересован в нововведениях. Еще менее заинтересовано в них прикормленное чиновничество. Одного существования налога на добавленную стоимость (НДС) достаточно, чтобы отбить всякую охоту к разработке и внедрению инноваций.

На этом фоне перманентная модернизация российской школы – как средней, так и высшей – давно будоражит общественность. И если введение двухуровневого высшего образования еще имело рациональные основания, то введение ЕГЭ в отрыве от связки единого экзамена с ГИФО (государственного индивидуального финансового обеспечения), уже породило ряд неоднозначностей. По крайней мере, можно утверждать, что уровень коррупции в российской системе образования резко «снизился»: из высшей школы – в среднюю. Что тут же сказалось на качестве выпускников средних школ. И тут подоспело решение с новыми стандартами, добивающее общеобразовательную школу.

Все это особенно трагикомично на фоне разговоров о модернизации и инновационном развитии. Весь отечественный и зарубежный опыт модернизаций свидетельствует о том, что успех решающим образом зависит от социальной базы модернизации. Или, как сейчас говорят – от человеческого капитала. Поэтому реальные модернизаторы, люди с «длинными мыслями», всегда делали и делают ставку на формирование новой элиты. Одновременно – на науку и образование. И если не было возможности подготовить своими силами – направляли за рубеж или привозили учителей и специалистов из-за рубежа. Так поступали Петр I, Ли Куан-ю, его ученик Дэн Сяо-пин. Примеров такого пути выхода страны к цивилизационному фронтиру достаточно...

А в нынешней России не просто нет реального заказа на инновации... В них не заинтересованы ни рентно-монопольный бизнес, ни рентно-прикормленное чиновничество, создающее не конкурентную среду бизнеса, а всячески такую среду расчищающую под новые «монополюшки». Государство своими руками подрывает корни формирования и выращивания элиты, если оно только понимает, что это такое. Похоже, у нынешнего политического класса срабатывает инстинкт временщиков – разрушение самой возможности формирования полноценной российской элиты.

Российская «элита» до сих пор не понимает, как это – ну ладно в Германии, но и в Голландии, Норвегии, Финляндии – не только наука и образование не в пример нашей, но и спортивные достижения серьезные. И без нашего сверх-напряга и «подвигов». Так же, как не понято и то, что Нобелевские премии в области экономики за последние десятилетия присуждены преимущественно за разработки в области социально-культурного развития как решающего фактора развития экономического. Впрочем, это и Петр I понимал, и Ли Куан-ю, учиться к которому дважды приезжал в Сингапур Дэн Сяо-пин...

И это уже вопрос о «субъективных» факторах, прежде всего – что такое нынешняя российская «элита», откуда она берется. И элита ли это вообще.

Слово элита пришло из сельского хозяйства. Элитное зерно, элитные бычки... - лучшее, отборное, на развод. В человеческом обществе это люди, задающие образцы: интеллектуальные, нравственные, духовные... В политической жизни – те, кто открывает новые горизонты и пути их достижения. Люди с длинными мыслями. И эти мысли консолидируют общество, делая его обществом. Истеблишмент – основной социальный слой общества, реализующий его ресурсы, придающий своим образом жизни этому обществу форму и устойчивое развитие. Политический класс это депутаты, партии, чиновники, ведущие эксперты, журналисты... Этот самый политический класс в нынешней России есть и - с избытком. Истеблишмент, худо-бедно, но складывается. А вот элиты нет.

Более того, отсутствуют механизмы ее формирования. В истории выработались два механизма формирования и воспроизводства элиты. Либо на основе инициативы, предприимчивости, таланта – как это происходит в большинстве стран цивилизационного фронта. Либо на основе тщательного отбора лучших – как это было в средневековом и есть в нынешнем Китае, как в современной Франции, Японии, как в извращенной форме, но было в СССР. И оба механизма отсутствуют в современной России.

И, похоже, не спроста. Похоже, что нынешний политический класс всячески этому мешает. Вытаптывает ростки конкурентной среды таланта и инициативы. А отбор и сепарацию, крекинг лучших подменяет личной преданностью по вертикали и вертикалкам. В результате российская власть превратилась в некое корпоративное сообщество со своими интересами. Дошло до того, что менты (нынешние полицаи) объявили себя социальной группой (?!!), критика в адрес которой расценивается как разжигание общественной розни наравне с межнациональной. Это такая нация, государство в государстве. Минимум – этнос.

И тогда понятно почему в России общество и экономика недоверия, когда власть не доверяет бизнесу и обществу, бизнес не доверяет государству и обществу, а общество, вполне справедливо отвечает им взаимным недоверием. Потому что консолидировать общество на конструктивной основе может только элита. Консолидировать не перед некоей – то ли реальной, то ли выдуманной опасностью, а на конструктивной позитивной основе. Понятно и почему у России нет национальной идеи – ее просто некому вырабатывать. Ключом к двери в царство какой мечты является Россия? Или проще – мечтой о чем она является? Какую мечту воплощает? Нет людей с длинными мыслями. А есть мысли коротенькие, как заячьи хвостики: нам бы только ночь простоять, да день продержаться, иметь возможность рулить ресурсами – финансовыми, сырьевыми, энергетическими, информационными...

А в контексте нашего разговора понятны все эти игры с системой образования и наукой. Элита – она, прежде всего, об образовании, науке и культуре думает. Потому что видит новые горизонты и понимает – как к ним идти. Это понимали все упоминавшиеся выше великие реформаторы. Это по-своему, но понимали коммунисты. А наш политический класс – он понимает – зачем труба. Понимает – зачем люди у трубы. Понимает зачем люди с ружжом – они охраняют трубу и людей у нее. А зачем – тут остальные, для чего и вообще – что они делают тут – понять им, видимо, не дано. И называть временщиков элитой – то же самое, что называть педофила чадолюбивым человеком. Конечно, они имеют отношение к власти, также как и тот – к детям.

Вот, в чем, как мне представляется причины «подрыва *этической полноценности* нашей профессии», «*деформации самосознания профессии*», девальвации профессионально-нравствен-

ных ориентиров научно-образовательной деятельности отечественных университетов», в том числе – объясняющие, почему – «то, что еще недавно считалось *постыдным*, сегодня для многих университетских профессионалов становится не просто привычным, но почти *нормой*». В настоящее время в России в 4,5 раза больше вузов, чем их было в СССР. В них учится в 2,5 раза больше студентов, чем училось в СССР. В Ставрополье менеджеров и экономистов готовят свыше 20 вузов, на которые приходится пара десятков кандидатов наук и несколько профессоров по специальности. Общая картина: преподаватели, получая мизерную зарплату, мечутся из одного вуза в другой, делая вид, что чему-то учат. Ну, и студенты делают вид, что учатся, прекрасно понимая ситуацию. Более того, они прекрасно понимают и ситуацию на рынке труда. Что работодателю нужен не столько диплом непонятного бакалавра или шибко умного магистра, а опыт. Поэтому большинство студентов уже со второго курса работают, стремясь к окончанию университета уже занять в компаниях какую-то позицию.

Молодежь – она не хороша и не плоха. В любое время. Это – наиболее адекватная часть общества, буквальное его отражение. Чего хочет молодежь, то и есть сокровенные мечты общества. Согласно исследованиям, которые проводились в НИУ ВШЭ, выпускники российских вузов стремятся на работу в государственные структуры или в компании с госучастием. Эксперты говорят, что такой перекокс отражает нынешнюю российскую ситуацию, когда в частном бизнесе можно получить много проблем, а на госслужбе – «обналичить» свой должностной статус. С виду дешево, но выгодно. Установки, кстати, практически совпадающие с мечтой пенсионеров. А в Санкт-Петербурге наметилась еще одна тенденция. Выпускники питерских школ все больше предпочитают идти не в вузы, а в колледжи, стремясь все к тому же раннему получению востребованной профессии. Власть же, как это прозвучало на одном высоком совещании, видит в молодежи не столько ресурс развития, сколько социальную проблему, для решения которой (как там было заявлено) имеются «три отстойника: вузы, армия и пенитенциарная система».

Поможет ли в этой ситуации культивирование особой «этики профессора в отсутствии алиби», противопоставление ее действующим разрушительным тенденциям? В принципе – да. Только кто, какая социальная сила будет актором, организованным субъектом противопоставления и культивирования? При фактическом отсутствии гражданского общества? Профессоры – не организованная социальная сила. Кстати, – в отличие от студентов. Если студенты выйдут на улицу – это политическое событие. А забастовку профессоров никто не заметит. Кстати, поэтому власти и опускают профессоров ниже плинтуса. Отраслевые, экспертные сообщества? Так они самой их природой еще более зависимы от рынка, работы на заказ.

Думается, что сама профессия, призвание профессора, в том числе и как нравственного авторитета выражается в двух мудрых жизненных правилах. Одно сформулировал Б.Спиноза: «Не плакать и не смеяться, но понимать». А второе – еще раньше – Сенека: «Делать что должно, и будь что будет».

Получается – дело в личностном самоопределении. Никакие корпоративные чистки его не заменят и не отменяют. Профессоры, как и все люди, бывают разные... И – слаб человек, пластичен... А студенты – они все видят, все понимают... Кому можно «подарки» подносить, а кому – даже идея такая в голову не придет. В этом плане авторы абсолютно правы, утверждая «уникальную ответственность профессора за университет, а не перед ним». Но это именно вопрос личностного самоопределения. Кто-то эту ответственность сознает, кто-то нет. А кто-то не думает об этом, но поступает и ведет себя так, что становится символом университета, в памятью студентов – критерием, по которому они поверяют свой профессиональный и жизненный путь. Поэтому, думается, что «профессорская дилемма» – автономный субъект *высокой* профессии, «работающий на вечность», либо агент университетской бизнес-корпорации – дело личностного выбора каждого. Помню, как, поддавшись на уговоры и обещания ректора одного питерского вуза, пошел на сотрудничество, но проработав там семестр понял, что нарушаю завет, выраженный в первой строфе первого псалма Давида. И от сотрудничества отказался.

Что же до призывов «*Поставь себя на место студента*», «*Не судите - да не судимы будете*», то ничего, кроме улыбки они вызвать не могут. Профессор своим поведением, улыбкой,

фактом существования выражает оценку. Если он ее не выражает, то ему ее приписывают, интерпретируя его поведение – не то что слова. Лично я давно уже стараюсь дело до экзамена не доводить. Веду накопительный балл, условия которого в начале каждого курса обговариваем со студентами. И накопительный балл каждого студента формируется у них на глазах, а в конце курса ни у кого нет обид и претензий. Некоторые даже выстраивают стратегию по курсу – в зависимости от собственных амбиций.

Поэтому в проблеме «формирования этически полноценного профессионализма» не вижу «дилеммы» - как ее формулируют авторы: «либо возложить заботу об этически полноценном профессионализме на перфекционизм самих университетских профессоров, апеллируя к их призванию, служению, долгу, - либо сделать ставку на подкрепление требований этики профессора инфраструктурными средствами университета и его инвестициями в человеческий капитал». Одно другое не исключает, а только предполагает и дополняет. Причем, это взаимодействие и является главным условием выполнения университетами своей роли в формировании полноценной российской элиты.

И в этой связи... Что до «дилеммы профессионального успеха», то, соглашаясь с авторами в том, что доминирующие в нашем обществе модели успеха (преимущественно – денежного), мало связаны с этически полноценным профессионализмом, не могу согласиться, что символы успеха, значимые по гамбургскому счету профессионального сообщества, не связаны с финансовой стороной дела. Дилемма эта представляется мне излишне категоричной.

Г.Л.Тульчинский

Засл.деят.науки РФ, д.филос.н.,
профессор НИУ Высшая школа экономики
в Санкт-Петербурге